

Лада Зорина

ПРЕДАТЕЛЬ

Я (не) смогу
ТЕБЯ ПРОСТИТЬ

Лада Зорина

Предатель. Я (не)

смогу тебя простить

<https://litres.ru/74214237>

Аннотация

— Да, я с ней спал, — бросает муж. — И что? Истерику мне закатишь? Равнодушие в его голосе бьёт по нервам. — А ты хочешь, чтобы я не возражала? — хриплю. — Ещё бы ты возражала, — хмыкает муж. — В этом браке у тебя ничего своего не было и нет. Считаешь, что можешь предъявлять права на меня? Так я не вещь. — Ты прав, — шепчу, отступая. Вылетаю за двери и прижимаю руки к пока ещё плоскому животу. — Ты прав, — повторяю. — Но у меня есть то, что никогда уже не будет твоим!

Но как же я ошибалась, когда думала, что эту тайну получится сохранить...

♥# властный герой ♥# беременная героиня ♥# наглая свекровь ♥# очень эмоционально ♥# ХЭ

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	44
Глава 10	49
Глава 11	54
Глава 12	59
Глава 13	63
Глава 14	67
Глава 15	71
Глава 16	76
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Глава 1

— Алиса, не закатывай истерику раньше времени, — в глазах свекрови ни намёка на сочувствие, но это меня сейчас не заботит.

Меня сейчас вообще ничего не заботит, кроме ошарашивших меня новостей.

— При чём... при чём тут истерика, Елена Аркадьевна? Сначала вы на меня такое вываливаете, а потом... чего вы от меня ждёте?

— Я жду, что ты возьмёшь себя в руки, выдохнешь и попытаешься прислушаться к собственной интуиции.

Да она издевается!

Я фыркнула, покачала головой и, приложив ладонь к разгорячённому лбу, отошла к большому двустворчатому окну. Но видела сейчас не кусочек детской площадке, где резвилась детвора, а скорбное лицо свекрови, сообщающей мне...

— С чего вы вообще решили, что Тимур с ней спит?

Елена Аркадьевна поджала губы, словно её оскорбило моё недоверие.

— Я что, вчера родилась? И что, я своего сына не знаю?

— Он не только ваш сын, — вспыхнула я, ненавидя себя за то, что позволяю говорить с собой как с малолетней и недалёкой. — Он ещё и мой муж. И я тоже не вчера родилась и не вчера за него замуж вышла.

— Сравнила! — закатила глаза свекровь, ясно давая понять, что наши пять лет в законном браке и её тридцать лет беззаветно материнской любви сравнивать глупо. Несопоставимые величины.

Ну, конечно, ведь Тимур — её единственный сын. Свет в окошке. И даже то, что этот самый свет не жил с ней с тех самых пор, как распрощался со школой, совершенно её не смущало. Елена Аркадьевна любила повторять: «Женщин много — мать одна». И свято верила, что при любых обстоятельствах останется главной женщиной в жизни сына. Главной, пусть и не единственной. Все остальные — придорожная пыль. Я в том числе. Жена — не жена, разницы не имело.

И меня это так разозлило, что даже первый шок от неожиданной новости слегка отступил. Я отошла от окна, схватила лежавший на столике телефон и набрала мужа.

Свекровь следила за мной, слегка приподняв свои тонкие брови, мол, что ты творишь, блаженная? Моим словам, значит, не доверяешь?

Не доверяю. Не доверяю! Мне нужно услышать голос мужа — спокойный, уверенный и родной. Сейчас он ещё в офисе. Возможно, конечно, на совещании, хотя и не говорил, что сегодняшний день у него сильно загружен.

Тимур ответил после пятого или шестого гудка. Говорил вполголоса и приглушённо.

— Что тебе нужно?

Меня резанул по нервам этот грубоватый вопрос. Но я

уговорила себя не закусывать удила раньше времени.

— Привет, Тим. У тебя будет минутка?

— Что-то случилось?

— Вообще-то, да.

Пауза. Во время которой я бросаю на Елену Аркадьевну взгляды, а она смотрит в ответ — едва ли не насмешливо и с искорками какого-то странного превосходства в своих светло-карих глазах.

— Твою мать... — едва слышно и будто в сторону бормочет супруг.

Что-то звякает и шуршит. На заднем плане слышится протяжных вздох. Женский?..

Я заледеневаю. Тело немеет до самых кончиков пальцев и даже, кажется, лёгкие становятся до того деревянными, что не принимают поступающий в них кислород.

— Тим? — едва слышно. — Кто там? Твоя курица опять раскудаhtалась?

— Заткнись, — шипит едва слышно Тимур, а потом уже громко, чтобы я слышала. — Минуту. Сейчас.

Звякает пряжка. Теперь я понимаю. Это он брюки пытается застегнуть.

Волна дурноты подкатывает к горлу, и я хватаю ртом воздух, будто разучилась дышать.

— Где ты? — выдыхаю, не дожидаясь, пока муж наведёт марафет.

Будто сейчас это так важно. Будто я могла увидеть его и

по его виду всё разгадать. Ну так вместо того, чтобы ширинку застёгивать и ремень поправлять, стоило своей подстилке рот понадёжней заткнуть. Судя по её томному голоску, ничего против она не имела бы!

В трубке хлопнуло что-то. Наверное, дверь.

— Занят немного, — теперь голос мужа звучит громко, уверенно. — Реально, Алис. Не самое подходящее время. Мы...

— А я уже поняла, — никаких сил сдерживаться у меня больше нет. Шок, гнев, обида и отвращение скатываются внутри меня в жуткий клубок.

Я не позволю ему разыгрывать этот фарс, делая из меня наивную дуру.

— В смысле?

— В прямом! Я всё поняла и всё слышала! — крикнула в трубку и, неуклюжая, выронила её из дрожащей руки.

А когда подхватила, увидела, что исходящий звонок завершён.

Отключился. Наверное, этого стоило ожидать.

Только сейчас я вспомнила, что свекровь продолжает как ни в чём ни бывало стоять в дверях нашей гостиной. И уж сейчас-то те самые искорки в карих глазах заметны, даже если зажмуриться.

— Ну? — назидательно вопрошает она. — А я что тебе говорила? И что ты за жена-то такая, Алиса, если до сих пор этого не почувствовала.

— До сих пор?.. — прохрипела я, уставившись на неё в онемении. — То есть...

Елена Аркадьевна снова закатила глаза:

— Да проснись же ты, глупая! Это не сегодня и не вчера началось! Тимур уже давно ходит налево, а ты напялила розовые очки и до сих пор дальше собственного носа не видишь!

Она хотела ещё что-то сказать, но в кармане её просторных летних брюк зазвонил телефон. Свекровь бросила на меня взгляд умудрённой опытом женщины, которую бесконечно утомляет чужая наивность, вынула телефон, бросила взгляд на экран.

— А вот и Тимур, — сообщила как само собой разумеющееся. — Да, сынок? Нет. Я сейчас у тебя.

Я вцепилась в неё взглядом, помутневшим от непролитых слёз, с ужасом осознавая, что возвращается утренняя тошнота.

Господи, а ведь день начинался такой счастливой, такой радостной новостью. После сегодняшнего визита к врачу я собиралась ему рассказать...

Вздрагиваю, когда свекровь продолжает:

— Хорошо. Нет, жена твоя дома. Что-нибудь ей передать? Короткая пауза.

— Поняла.

Свекровь завершила звонок и наконец соизволила посмотреть на меня.

— Тимур едет домой. Вот сейчас обо всём и поговорите.

Друзья, приглашаю вас в мою новинку
 «Развод. Ты обещал, что не предашь»

Читать: <https://litnet.com/shrt/MuP1>

— Альбина в беде, — процедил муж. — Я должен ей помочь.
 Я вспомнила те их нежности на парковке ... В груди защемило.
 — А какое тебе, к чёртовой матери, дело до её бед?
 — На этот раз вопрос личный, — выговорил он через силу.
 — Это личное касаться нас никак не должно!
 — Но касается, — отрезал Данила.
 — Как? — мой голос ослаб. — Каким образом? Говори, Громов!
 Данила поднял на меня больной взгляд:
 — Когда мы с ней расставались, я не знал. Она мне ничего не сказала.
 — Чего... не сказала?
 — Когда мы расстались, Альбина была беременна. У меня есть сын, Ксения. Ему семь.

 ♥# властный мужчина
 ♥# сложные отношения
 ♥# очень эмоционально
 ♥# ХЭ

Глава 2

— Вам лучше уехать.

Я посмотрела свекрови прямо в глаза. Я не просила и не предлагала. Тон моего безжизненного голоса озвучил требование.

Вот только Елена Аркадьевна была не из тех, кого простым требованием можно было выставить за порог.

— Это мне в уплату за помощь? — усмехнулась она.

— Помощь?..

Свекровь скривила узкие губы, и сетка кисетных морщинок вокруг её рта обозначилась особенно чётко.

— Ну это просто классика, моя дорогая. До чего предсказуемо. Собираешься посланника бить? Не я-то тебе изменяла. И да, помощь. А разве это не так? Если бы я ничего тебе не сказала, ты так и ходила бы, рогами потолки задевала.

Каждое слово — жестокое, несправедливое — тем не менее било прицельно и каждый раз цели своей достигало. Внутрь мне будто камни сыпались — холодные и тяжёлые.

Но я умудрилась, сглотнув горький ком, указать дрожащий пальцем на дверь.

— Рога бывают лишь у самцов. Двойка вам по зоологии. Уходите!

Свекровь смирила меня пренебрежительным взглядом и тихонечко фыркнула:

— Повырастали умные-разумные. Всё-то они знают. Всё знают, а о том, что у них под боком творится, даже понятия не имеют.

— Уходите!

— Не смей поднимать на меня голос, — ледяным тоном отозвалась Елена Аркадьевна. — С матерью своей так разговаривать будешь.

Я задышала часто и тяжело. Контроль над ситуацией начинал от меня стремительно ускользать, просачиваясь, словно песок сквозь сжатые пальцы.

— Бог с тобой, — «сжалилась» свекровь и отступила в прихожую, где подхватила с пуфа сумку и шагнула ко входной двери. — Варись тут сама в своих переживаниях. Вот так, захочешь помочь, а тебя потом тряпками гонят. Хорошего дня.

Дверь за нею захлопнулась, а я, как подкошенная, осела на пол, прямо посреди залитой солнечным светом гостиной.

Так и просидела, пока не услышала, как просигналил дверной замок.

Плохо соображая, неуклюже поднялась и... едва не упала. Ноги затекли и не слушались. Онемение проходило тошнотворно медленно.

Пришлось держаться за дверную лутку на выходе из гостиной.

Так меня и застал явившийся «с работы» муж.

Он окинул меня изучающим взглядом, бросил чехол с

макбуком на пуф, откуда совсем недавно его мать забрала свою сумку, и, не глядя разувшись, стал как вкопанный в прихожей, скрестив на груди руки.

Будто это он собирался устроить допрос. Будто роль виновной досталась мне, не ему.

— Ну и что это было? Что это за телефонная драма? — поинтересовался он холодно. — Проорала в трубку, бросила телефон. С работы меня сорвала.

— Ты... издеваешься? — прошептала я, не веря ушам.

— Мой встречный вопрос примерно такой же. Не молчи, Алиса. Ответь.

Тимур всегда был упрямым, напористым, жёстким. Порой мне казалось, что до эгоистичности, но я гасила в себе негатив, напоминая, что без этих качеств он не достиг бы всего, чего достиг. Не смог бы выбраться из нищеты, сколотить состояние и обрести репутацию серьёзного игрока в пределах и за пределами банковской сферы.

Но о том, насколько эти качества его захватили, я стала догадываться только сейчас, когда новообретённые положение и статус развязывали ему руки.

Мне казалось, порой он начинал путать личное и профессиональное, раздавая приказы не только у себя на работе.

— Это ты от меня требуешь пояснений? — выдохнула я. — Тимур, ты можешь хорохориться сколько угодно. Но дуру-то из меня делать зачем? Я позвонила тебе и всё слышала! Ты понимаешь, что я слышала ваш разговор? Тебя и тво-

ей... твоей подстилки!

Муж буравил меня пристальным взглядом целую вечность. Наверное, ждал, что я окончательно с катушек слечу и брошусь на него с кулаками. Но так и не дождавшись, кивнул.

— Слышала, значит? Весь разговор?

— Она курицей меня назвала!

От жгучей обиды эмоции так стремительно и так мощно вверх подскочили, что на последнем слоге я хватанула воздуха и закашлялась.

Супруг подождал, пока я приду в себя, но даже не пошевелился, чтобы хоть как-то помочь.

— За это я сделал ей выговор, — самым обыденным тоном отозвался он, когда я откашлялась. — А с чего ты вообще решила мне позвонить?

— Что за вопрос идиотский? У нас что, и тут действует какая-нибудь договорённость? — вскинулась я, уже и думать забыв о нападках свекрови. — Ты просишь не звонить тебе в те дни, когда у тебя полным-полно совещаний или разъезды. Я не звоню. Сегодня никаких инструкций не поступало. Видимо, с тех пор, как ты большим начальником стал, я тоже должна была в рабочее время только через твоих секретарей с тобой общаться! Так, что ли?

Я не могла ничего поделать с собой. Желчь из меня сейчас так и лезла.

Муж потёр переносицу и медленно выдохнул.

— Может, ты для начала орать прекратишь и мы спокойно поговорим?

— Спокойно? — изумилась я, уже и не надеясь сохранить хотя бы видимость душевного равновесия. — Спокойно поговорить о том, как тебя на рабочем месте секретарши твои ублажают?

— Я был не с секретаршей, — невозмутимо отозвался супруг. — Я был с Ангелиной.

— С Ангелиной?.. — прошелестела я, чувствуя, как земля выползает у меня из-под ног. — С Левиевой... с твоей помощницей.

— С моей коллегой, — поправил Тимур.

То-то на миг мне показалось, что в голосе прозвучали знакомые жеманные нотки. Но тогда я была слишком шокирована, чтобы с полной чёткостью их подмечать.

— Ты... изменяешь мне с женщиной, которая меня ненавидит?

— А это твоя единственная забота? — жестко усмехнулся супруг. — Но если даже и так, то да, я с ней сплю. И что теперь?

Глава 3

— Что теперь? — поперхнулась я, оторопев от такой прямоты.

В самой середине грудной клетки, в её глубине разливалась тупая, давящая боль.

Будто я сердцем, лишившимся всякой защиты, на какой-то барьер налетела.

— Ты истерику мне закатаешь?

Я немо таращилась на Тимура, не веря ушам.

— Вас женщин ни хрена не поймёшь, — муж привалился плечом к раздвижной двери гардероба, давая понять, что готов расставить все точки над «і» прямо здесь и сейчас.

Никаких неудобств наш разговор прямо на пороге квартиры, в прихожей, ему не доставлял.

— Вы по временам сами разобраться не можете, что вам действительно нужно.

— Я...

— Что? Ты ведь поговорить об этом хотела. Так давай поговорим.

Каша из беспорядочных мыслей в моей голове мешала ринуться в решительную атаку. А уверенный вид мужа сбивал меня с толку. Я не ждала подобной реакции. Ожидала, что он кинется всё отрицать. Что станет оправдываться и выдумывать какие-то фантастические отговорки, только бы не при-

знавать вину. Ведь своими глазами я ничего и не видела, а значит, можно сказать, не считается.

— Ты вот так спокойно признаёшь, что мне изменяешь?

— Ну а для чего мне тратить твоё и своё драгоценное время? — пожал плечами супруг. — Ты всё слышала. Ты всё поняла. К чему отпираться?

— Господи-боже, как это цинично...

— Как посмотреть, — скривил губы Тимур. — Я считаю, что веду себя не циничней, чем ты.

— Чем... что?..

— О боже. Только не делай такое лицо, будто я пощёчину тебе залепил, — с утомлением в голосе отозвался супруг. — Я горбачусь без отпусков и выходных, чтобы всем тебя обеспечить. Чтобы мы жили той жизнью, которую заслужили. О которой мечтали все эти годы, недоедая и недосыпая. И я считаю, что неплохо справляюсь, претворяя в реальность нашу мечту.

— Я... я разве с этим когда-нибудь спорила? — промямлила я, совершенно не понимая, к чему он клонит и какое отношение его работа может иметь к тому, что он любовницу себе завёл.

— Ты не спорила, нет, — мотнул головой Тимур. — Ты просто... как бы это помягче сказать... саботировала наши общие планы?

— Саботировала? — мне показалось, слух меня снова подводит. — Господи... как?!

— А так, — и только сейчас я отчётливо уловила, как изменилось его настроение, потому что в карих глазах полыхнул мрачный огонь. — Сидела всё это время на всём готовом. Принимала все мои заслуги и достижения как должное. А свой вклад не спешила вносить!

Последнюю фразу он почти проорал мне в лицо, заставив дёрнуться и отшатнуться.

Муж был на добрый две головы выше меня и вдвое шире в плечах, и такое его поведение не могло меня не напугать уже хотя бы потому, что исходило от человека с подавляющими моими габаритами.

— О чём ты... ты собираешься обвинить меня в том, что всё это время я не работала? — мои глаза полезли на лоб. — Да как ты смеешь, Тимур! Ты прекрасно знаешь, что это враньё! Это только твоей матери кажется, что если я дома сижу, так это значит, что ни черта не работаю! А я заказы на дом брала! Я за то время, как мы сюда переехали, половину этого дома обшила, хоть своё ателье открывай!

— Да я не о деньгах говорю, глупое ты создание! — выкрикнул муж. — При чём тут деньги, мать твою? Деньги тут ни при чём!

И мне действительно пришлось какое-то время как распоследней тупице хлопать глазами, чтобы сообразить, о чём он тогда вообще говорит.

О каком ещё вкладе речь? В квартире я по-прежнему убирала сама, хоть средства уже давно позволяли нанять эконо-

номку. Но мы с Тимуром сразу договорились, что наймём персонал, когда переберёмся в свой дом, который сейчас только строился.

Я готовила и стирала. Я гладила и сушила. Я бегала по магазинам и делала заготовки. Я убирала, мыла, чистила и пылесосила. Я создавал в нашем доме уют, при этом успевая выкраивать время для заказов, которых было немало.

— Так и не сообразила? — с жёсткой усмешкой качнул головой муж. — Ну, это о многом, знаешь ли, говорит. Это просто лишний раз подтверждает.

— Подтверждает что? — не выдержала я.

— Что к полной семье ты ни хрена не стремишься. Что ты делаешь всё, находишь себе какие угодно занятия, только бы не рожать!

— Что?..

Чудовищная ложь хлестнула меня по лицу сильнее пощёчины.

— Как ты можешь...

— Как я могу? — хмыкнул муж. — Да вот я как могу, так и стараюсь. А результатов по-прежнему нет! Как же так получается, а? И доктора нам сказали, что с нами всё в полном порядке. Четвёртый год пошёл, а воз и ныне там. Может, это всё потому что кто-то из нас не старается? Или сводит чужие старания на нет?

— Ты... — у меня язык отнимается. — Ты считаешь, что я намеренно...

— Я ничего не считаю! — рывкнул муж. — Я тут прикинул и решил, что надо продолжать стараться. Потому что стараться можно и на стороне.

И это ломает меня окончательно. От чудовищного цинизма я заледенела и просто молчу.

Тимур видит, что ему удалось меня деморализовать, поэтому выдыхает. Орать уже необязательно. Я сдалась, раздавленная его «аргументами».

— Так вот, я ещё раз повторю. Да, я с ней спал, — глаза мужа холодны, как арктический лёд. — И что теперь? Истерику мне закатишь? Считаешь, ты вправе мне её закатить?

Задыхаюсь от его несправедливой жестокости.

— А ты предпочёл бы, — хриплю, — чтобы я не возражала?

— Ещё бы ты возражала, — хмыкает муж. — Считаешь, что можешь предъявлять права на меня? Так я не вещь. Выходит, в этом браке у тебя ничего своего не было и нет.

— Ты прав, — шепчу, отступая.

Нет, больше я не выдержу такой разговор.

Вылетаю за двери и прижимаю руки к пока ещё плоскому животу.

— Ты прав, — повторяю. — Но у меня есть то, что никогда уже не будет твоим!

Глава 4

— Алиса, стой! — рывкнули из-за двери.

Но я устала быть послушной, безропотно подчиняющейся любому приказанию мужа овечкой. Не после всего, что он в припадке гнева мне наговорил.

И что самое горькое. Я даже понимала, откуда взялся этот гнев. Тимура взбесило, что я раскрыла его жестокий обман. Что я разрушила его хорошо устроенную двойную жизнь. И отказалась ему подчиняться.

Но если в женщине есть хотя бы капля самоуважения, она не станет оставаться под одной крышей с человеком, бросившим ей в лицо такие бесчеловечные обвинения.

Я многое терпела и многим жертвовала. Я надеялась и ждала. Да я буквально молилась на то, чтобы у нас всё сложилось. Чтобы Тимур наконец мог сказать, что успешен не только в бизнесе (хоть в этом никто никогда и не сомневался). И вот, намолила.

Мы наконец-то смогли зачать малыша, но вот чем обернулся день, который должен был стать самым счастливым днём в нашей жизни.

«Да проснись же ты, глупая! Напялила розовые очки и до сих пор дальние собственного носа не видишь!», — раздалось ядовитое в моей голове.

Я всхлипнула, размазав по лицу горячие слёзы.

Что ж, вот так и платишь за свою наивность и слепоту — жизнь со всего маха окунает тебя в ледяную воду. Онемеешь от шока — не выплывешь. Сама виновата.

Я влетела в спальню, дёрнула дверцу гардеробного шкафа. На мгновение сердце сжалось от вида аккуратно разложенных по полкам вещей. Я буквально неделю назад всё тут рассортировала, а ненужные вещи на благотворительность отдала. И всё потому что муж предупредил: внутренние работы в доме идут к завершению. Скоро сможем переезжать.

И вот, на тебе. Я действительно переезжаю, только вовсе не в дом нашей мечты, о котором раньше даже боялась мечтать.

Нет, сейчас я мчалась напрямик в неизвестность.

Вытащив из нижнего отделения большой чемодан, шлёпнула его на застеленную пледом постель. Взвизгнула растёгиваемая по периметру молния.

И в этот самый момент Тимур объявился на пороге.

Очевидно, из-за неимоверного напряжения мне на секунду даже захотелось смеяться. Что, решил меня догнать, чтобы дополнит список претензий? Видимо, я ещё не все «комплименты» в свой адрес услышала.

— И что ты творишь? — его тёмный взгляд заметался между мною и распахнутым шкафом.

Я повернулась к полкам, действуя механически, будто в совершенном отрыве от агонизирующего мозга.

— А на что это похоже? — рывкнула я, выдёргивая с пол-

ки стопку футболок.

— На метания курицы с отрубленной головой, — отрезал супруг.

До него даже не дошло, что он фактически повторил оскорбление своей хамоватой подстилки.

Я опалила его ненавидящим взглядом.

— Иди ты в задницу, Гараев! В задницу, ясно?!

— Чего ты орёшь, как потерпевшая?

— Отстань от меня! Возвращайся к тому, на чём я тебя прервала, кобелина! — громко всхлипнула я и продолжила набивать чемодан своими вещами, хотя из-за слёз, сейчас застилавших глаза, уже и не была уверена в том, что не запикиваю туда всё вперемешку.

А даже если и так, у него хватит финансовых средств обновить себе гардероб. Это уже не моя забота.

— Ну понятно, — на выдохе проговорил Тимур. — Мы добрались до обязательного пункта программы — «Истерика».

Я, может, и продолжила бы свои лихорадочные сборы, но то, что муж так быстро и легко успокоился, тогда как меня с головы до пят колотило, вызвало во мне прилив настоящего бешенства.

— А вот и ещё один минус вскрылся, — прошипела я, сгребая с тумбы подставку с уходовой косметикой и сваливая её в чемодан. — То, что ты истериками называешь!

— А что это по-твоему? — выгнул бровь муж. — Дёрга-

ешься. Орёшь. Поносишь меня на чём свет стоит.

— Так я незаслуженно тебя оскорбила? — взвизгнула я.
— Может, мне перед тобой ещё извиниться?

— Обойдусь, — отмахнулся муж, и мои зубы заскрежетали. — Так куда ты так стремительно собралась?

— Подальше от тебя! У меня же здесь всё равно ни на что прав нет!

И мечтая стереть с его лица выводившую меня из себя ухмылку, я проскрежетала:

— Но право-то на развод ты у меня, надеюсь, оспаривать не возьмёшься?

Тимур прожёл меня взглядом и неестественно ровным голосом задал вопрос:

— Развод? Ты хочешь со мной развестись?

— Больше всего на свете! — рывкнула я.

Муж выдержал длинную паузу, а потом:

— Окей. Чёрт с тобой. Развод так развод.

Глава 5

— Отлично.

Это одинокое слово рефлексивно слетело с моего языка, но весь ужас моего положения заключался в том, что я всё-таки не ожидала такой быстрой, такой однозначной и такой спокойной реакции.

Оказывается, я была совершенно не готова к тому, что муж с исключительной лёгкостью примет моё желание поскорее расстаться.

— Отлично, — эхом отозвался он, рассматривая меня без какого-либо намёка на волнение.

Я его разозлила, раздосадовала — несомненно. Но испугала ли я его своим заявлением, что хочу развестись? Вот насколько.

Господи, но это же значит, что Елена Аркадьевна была стопроцентно права, когда объясняла мне, неразумной, что всё это не вчера началось. Что имевший глаза, да увидел бы. А я до сих пор слепо верила в то, что у нас всё в порядке.

Я клонула носом, чтобы муж не заметил скатившихся по щекам слёз.

Он не заслуживает их видеть.

— И куда ты отправишься?

Вопрос был до того неожиданным, что о слезах я благополучно забыла и бросила на него обжигающий взгляд.

— А вот это уже не твоего ума дело, понятно?

— Понятно, — протянул Тимур. — Такси тебе вызывать? Меня от такого будничного вопроса бросило в жар.

Как можно было в мгновение ока обернуться таким бесчувственным, бессердечным чудовищем и, сообразив, что узнавшая о твоей измене жена пакует экстренно чемоданы, ещё и помощь ей предлагать!

Но вот если прямо сейчас я расклеюсь и расползусь по полу скорбно хлюпающей лужей, я ещё больше удовольствия этому монстру доставлю. Нет, позволить такому случиться я не могу.

— Боже мой, какая заботливость, — выплюнула я, запихивая в чемодан ноутбук и зарядное. — Не нужно мне от тебя ничего. Можешь не суетиться. Такси я вызвать могу и сама! Не безрукая. Или ты думаешь, я совсем без тебя ни черта не смогу?

Тимур окинул меня оценивающим взглядом с ног до головы, будто прикидывал, чтобы с максимальной честностью дать мне ответ. Потом едва-едва пожал своими широченными плечами.

— Ну, кто его знает. Наверное, самое время проверить.

Как и когда в нём произошла такая разительная перемена, которую я умудрилась проворонить? Самое жуткое во всём этом то, что я и дальше бы ничего не подозревала как минимум какое-то время, если бы не досужая Елена Аркадьевна. Мне, выходит, ещё и поблагодарить её нужно за то, что глаза

мне раскрыла.

Иначе так и жила бы с этим чудовищем, обслуживая его, как примерная домохозяйка, пока он развлекался на стороне!

Дрожащими руками вытащила телефон, открыла приложение и выбрала автомобиль.

«Ваша машина прибудет через пять минут».

Замечательно. На улице подожду.

Голова до сих пор беспощадно горела, и я до конца не могла осознать, что прямо сейчас делю свою жизнь на до и после.

— Давай, я помогу.

Рука мужа легла на ручку чемодана, пока я была занята тем, что неуклюже запихивала в карман своей сумки банальный, но такой говорящий подарок — тест, результаты которого сегодня, к моей великой радости, подтвердились.

Он ни в коем случае не должен увидеть...

— Не нужно! — дёрнулась я и попыталась одной рукой ухватиться за чемодан, который муж без моего спроса покатил ко входной двери.

Моя вторая рука не справилась с важной задачей, и картонный конвертик с тестом, к моему вящему ужасу, шлёпнулся на пол прихожей.

Лёгкий щелчок, с которым он приземлился на плитку около коврика, прогремел в моих ушах громом.

— Что это?

Муж наклонился, чтобы поднять конвертик, и я попыталась его опередить.

— Не трогай! Не смей! Это моё! — заорала, хотя понимала же, что это только усугубит ситуацию.

Но моя реакция была автоматической. Я понимала, что стоит на кону, и была готова на всё, только бы сграбастать свою неожиданную потерю и наконец-то оказаться за дверью квартиры.

Взгляд мужа сделался цепким, а движения — отрывистыми, резкими и выверенными, как у робота. Он, конечно, почувал, что такая реакция на какой-то бумажный конвертик у меня неспроста.

Поэтому без особого труда меня опередил.

— Тимур, отдай! — почти зарычала я, протягивая к нему дрожащую руку.

Его глаза прищурились, и я уже понимала, что с головой выдавала себя этим отчаянным жестом.

— Откуда столько суеты, не пойму. Что там такого сверхважного?

— Для тебя — ничего. Это вообще не твоего ума дело. Я сказал, отдай!

— Но в этом доме самодурствовать — моя прерогатива, — хлестнул меня неоспоримым фактом Тимур. — Ты ясно дала мне понять, что такую сволочь, как я, ещё поискать. Так с чего бы мне пытаться строить из себя послушного мальчика? Надо соответствовать ожиданиям.

— Отдай мне это. Немедленно! — сделала последнюю попытку я и попыталась в прыжке дотянуться до зажатого в его пальцах конверта.

— Извини, — бессердечно хмыкнул супруг. — Ты сама меня заинтриговала.

Я почти вслух застонала, когда он сдавил стенки конверта, заставив картонку поддаться и расплющиться с одной стороны.

— Не думаю, что здесь таится что-нибудь исключительно ценное, — усмехнулся он, наблюдая за моей немой агонией.

Но его усмешка тут же сползла с лица, когда он потрянул картонкой, и ему на ладонь вывалился тест, показывавший две полоски.

Я зажмурилась и услышала, как он втянул в себя воздух.

— Алиса, — прогремело у меня над головой через мгновение. — Алиса, посмотри на меня!

Глава 6

— Что это? — муж трясёт у меня перед глазами надёжно зажатым в пальцах тестом. — Что это? Объясни!

Сглатываю слюну и настырно тянусь к свидетельству своего положения.

— Отдай.

Но это «отдай» звучит жалко и вяло. Я понимаю, что уже проиграла. Что тайну не удалось сохранить. А ведь я была так близка к тому, чтобы хоть тут оставить подлого изменщика ни с чем!

Тело наливается свинцовой тяжестью, и в глазах стоят новые слёзы.

Это несправедливо. Это... это жестоко! Почему жизнь ставит мне подножку каждый раз, когда начинает казаться, что всё наконец-то наладилось?..

— Отдать? — с изумлением усмехается муж, глядя на тест с таким жадным выражением на лице, будто в его распоряжении оказался ценнейший трофей. — Шутишь, что ли?

Я молчу, и он, оправившись от первого шока, вызванного открытием, начинает давить, потому что чувствует, как укрепились его позиция в нашей словесной дуэли.

— Так что же получается, Алиса, радость моя, — с нескрываемо иронией тянет он, хотя и слышу, что голос его подрагивает от тщательно скрываемой радости. — Ты хотела

от меня свою беременность скрыть?

— Твоему примеру решила последовать, — взбрыкнула я, понимая, что меня больше ничего особенно и не сдерживает. — Ты же мне тоже не спешил признаваться, что у нас в семье пополнение! Знакомиться её приведёшь?

— Хватит ёрничать! — громыхнул Тимур. — Сейчас не время в остроумии упражняться!

— А почему нет? А когда будет время? Я вот, например, своё тратить на тебя больше не собираюсь, понятно? Моя беременность сейчас уже ничего не меняет!

— Да помечтай! Она *всё* меняет! Это понятно?

— Как и твоё паскудство, Тимур! Если ты думал, что я буду послушную квочку разыгрывать, пока ты где-то там бизнес ведёшь и заодно развлекаешься, то не надейся. Такое я не буду терпеть!

Глаза мужа заволокло пеленой мрака. Он начинал всё явственнее осознавать, к чему мог привести мой манёвр.

— Ты совсем идиотка, — проскрежетал он, склонившись надо мной, и легонько стукнул тестом по моей макушке. — Совсем поехала, если рассчитывала, что сможешь сбежать, скрыв от меня своё положение. И в надежде на что? На то, что тебе это никак не аукнется?

— Я не собираюсь ничего тебе объяснять!

— Это я уже понял. Как и то, что ты вряд ли даже себе свои действия сможешь вменяемо объяснить. Ты хоть представляешь, что я с тобой сделал бы, узнай я о ребёнке на

поздних сроках беременности. Я уж молчу о варианте после рождения.

Его голос понизился до загробного. От таких интонаций мурашки бежали по коже, но я уже не обращала внимания на своё состояние. Всем мои помыслы были только о том, как отсюда сбежать.

— И что бы ты сделал? — я задрала подбородок, бесстрашно вглядываясь в его перекошенное от гнева лицо.

Моё бесстрашие произрастало отчасти из кристально ясного понимания, что сейчас, зная о моей беременности, он ничего мне не сделает, а отчасти от того, что в глубине души я ликовала. Мне удалось-таки вывести его из себя. Стереть с его красивого лица это высокомерно-скучающее выражение, когда я заявила ему о разводе, а он преспокойно ответил, что с этим не будет никаких проблем.

Нет худа без добра. Даже раскрывшаяся тайна принесла какие-никакие плоды.

— Я бы тебя в лечебнице запер. Для душевнобольных. Такие конченные идеи могли проклюнуться только в мозгах, которые набекрень!

Меня трусило от жестокости этих слов, но я не позволила себе раскисать перед лицом такой беспардонной, неприкрытой агрессии.

— А у тебя с мозгами, значит, всё хорошо? Адекватные, любящие мужья то и дело своих беременных жён в психлечебницы сбавривают! Наверное, чтобы они не мешали им

удовлетворять свои аппетиты!

— Моё поведение не оправдывает твоего! — рывкнул муж.

— Да? — ухмыльнулась я с бесшабашностью самоубийцы. — А вот я считаю, что очень даже оправдывает!

И с этим словами я, выждав удачный момент, вырываю тест из его ослабевшей хватки, запикиваю его в сумку. Муж слишком уж увлёкся выяснением отношений и потерял всякую бдительность. Мне реально повезло, что его так разобрало.

Подхватываю ручку застоявшегося чемодана, но в спину мне врезается:

— Ты никуда не поедешь!

— Да что ты? Только тебя забыла спросить!

В этот самый момент накалившийся воздух разрывает телефонный звонок.

Даже сейчас отмечаю, что мелодия отличается от обычной. Её Тимур отвёл для особенно важных контактов.

Так и есть.

— Это важное, — бормочет он отстранённо, будто вмиг растерял весь свой запал. — Олег не будет просто так мне звонить.

— Вот и решай свои важные дела, — бросила я. — Не отвлекайся. А меня оставь в покое, понятно?

И пока он возится с телефоном, я, проявляя чудеса акробатики, протискиваюсь за дверь.

Затолкав чемодан в лифт, жму на кнопку так, что чуть палец себе не ломаю.

Выскочивший на лестничную клетку муж не успевает меня остановить.

Поспешно выхожу на втором этаже, опасаясь, что сейчас Тимур зажмёт кнопку, и лифт застопориться.

На втором этаже оборудован удобный съезд для багажа, и это очень меня выручает.

Ни секунда не потеряно зря.

Вылетаю на крыльцо, едва успев поздороваться с консьержкой.

Такси уже у подъезда. Вталкиваю чемодан в багажник, влетаю на заднее сиденье и подгоняю водителя.

— Едем! Скорей!

— А что такое? — недоумевает шофёр.

— Муж разбушевался, — говорю без зазрения совести.

— Нам скандалов не нужно, — соглашается он и уже готов трогаться с места.

Но путь нам преграждает внушительная фигура.

Тимур демонстративно наводит камеру телефона на авто и приподнимет бровь.

Или таксист наплюёт на него, и, возможно, ненадолго я спасена, или...

Глава 7

Муж рывком открывает заднюю дверцу и свирепо командует:

— Алиса, на выход. Быстро! Не задерживай, пожалуйста, человека. У него наверняка новый вызов горит.

Таксист наблюдает за нами из-за плеча, с подозрением косятся на мужа — на его дорогой костюм и массивные часы на запястье.

— Слушай, мужик, я так-то могу и в полицию позвонить...

У меня даже сердце подпрыгивает от вполне осязаемой вероятности такого неприятного развития событий.

— Позвони, — равнодушно отзывается муж. — Хочешь, я тебе свои фамилию, имя и отчество продиктую, чтоб дело поскорее пошло? Позвонишь. Проявишь свой гражданский долг. Это *так-то* верный ход. Молодец. Но я тебя сразу предупрежу. Позвонишь, а потом жди ответки. А она прилетит. Обещаю.

Таксист хлопает глазами и сглатывает. Тимуру без труда удалось погрузить его в усиленные размышления.

На секунду мне сделалось даже смешно. Не исключено, что мужа задела неосведомлённость водителя. Надо же, таксист, целыми днями колесящий по городу, не смог распознать лица, красующегося с интерактивных билбордов. Так

тебе и нужно, бездушный банкир Гараев с пачкой банкнот вместо сердца!

— Девушка, вы извините... — бормочет таксист, и я тихонечко фыркаю, давая понять, какого я мнения о его трусости и малодушии.

Бросаю полный ненависти взгляд на мужа. Он выразительно приподнимает чёрную бровь.

Мне не оставляют выбора. Я выхожу.

Чемодан вынимается из багажника, и спустя пять минут я опять переступаю порог нашей общей квартиры. Но ощущение уюта и родного тепла навсегда для меня померкло после произошедшего.

Тимур вкатил чемодан в спальню и застыл на пороге неприступной скалой, сунув руки в карманы брюк. Рубашка на его широченной груди опасно натянулась.

И кому он демонстрирует свою готовность повоевать? Слабой, беззащитной женщине?..

— Знаешь, это моя, конечно, ошибка.

Я встрепелась, подняла на него взгляд. Но совершенно неверно истолковала его фразу. Грешным делом решила, он надумал покаяться...

— В последнее время я совсем похоронил себя в рабочих вопросах. С головой ушёл в их решение и как-то совершенно упустил из виду важный момент. Без дисциплины тебе ничего не стоит отбиться от рук.

Мои глаза округлились сами собой. Тело отреагировало

быстрее, чем до меня во всей полноте дошёл смысл сказанного.

— Без дисциплины?.. — слабым голосом отозвалась я. — Ты... совсем всякую совесть потерял? Я тебе что, животинка какая-нибудь безмозглая, чтобы ты меня дрессировал?

— Обожаю твою тягу к утрированию, — сквозь зубы проговорил Тимур. — Без драматизации у нас никак. Всё доведём до экстрима.

— Так это не про меня! Это ты про себя сейчас говоришь! — взъярилась я, тыча пальцем во входную дверь. — Кто целое представление у подъезда устроил? Кто таксисту сейчас угрожал?

Тимур лишь пожал плечами.

— Так я конкретно тебя и не выделял. Я вообще о том, что вся жизнь у нас с тобой такая. Бешеная.

— Это ли не повод с такой жизнью покончить? Для чего вместе-то оставаться, когда ты мне уже даже замену нашёл!

— Ну, такая замена, — скривился супруг. — Неравнозначная.

— Н-не поняла...

— Ну что непонятного? Там мне никто наследника родить не обещал.

И Тимур выразительно смотрит на мой пока ещё плоский живот.

И мне становится тошно, что он говорит об этом, как о каком-нибудь полезном бонусе. Как о приятном дополнении

к семейной жизни.

— Господи, Тимур, что твоя работа с тобой сотворила, — пробормотала я, в неверии покачав головой. — Ты никогда, *никогда* так не говорил и не обращался... Будто у тебя все чувства вмиг атрофировались...

Я не сильно верила в расхожую фразу о том, что большие деньги меняют людей и далеко не в лучшую сторону. Мне всегда казалось, что финансовый достаток позволяет человеку, особенно если он работает для семьи, почувствовать себя комфортнее и безопаснее.

Но живое подтверждение правдивости той самой фразы сейчас высылось передо мной мрачной громадой, насмехалось надо мной и, видимо, собиралось диктовать мне условия нашей новой жизни.

— Причём здесь работа? — скривился Тимур. — Вот давай только не спихивать проблемы и перемены на какие-то внешние обстоятельства. — Банковский счёт в наших с тобой отношениях ничего не меняет.

— Ты просто сам не замечаешь произошедших с тобой перемен.

— Будто ты не изменилась, — бросает мне муж.

— Как это понимать?

— Буквально. Мне сложно представить, чтобы прошлая ты решилась на подобный идиотизм — скрыть от меня то, что ожидаешь ребёнка!

Эта мысль, произнесённая вслух, снова его завела, заста-

вив повысить голос. Но меня его поведение не пугало. Я и сама была раздражена будь здоров.

— Кто бы о секретах сейчас заикался. Ты о своих тоже молчал, пока я не позвонила и не поняла. Да и то, разве ты сразу признался?

На глаза вновь набежали ненавистные слёзы.

— И ты ожидал, что я отмахнусь от этого и как ни в чём ни бывало тебе объявлю, что беременна? Я на дуру похожа?

— Похожа! — рявкнул супруг. — Не была бы душой, думала бы в первую очередь о ребёнке и не накручивала себя до такого вот состояния!

— То есть это не ты меня накрутил?! Это я, идиотка, ни с чего завелась! Да если бы твоя мать ничего мне не сказала...

Я осеклась, но, само собой, поздно.

— Моя мать?.. — Тимур прищурился. — Так... а вот с этого места, прошу, поподробнее.

Глава 8

— Хочешь поподробнее, к своей матери отправляйся! — бросаю я, утерев щёки с таким остервенением, что наверняка останутся следы. — Я не собираюсь тебе докладывать и отчитываться.

— Моя мать приехала к нам и занялась срыванием покровов?

От иронии, сквозившей в голосе мужа, меня передёрнуло. Он открыто издевался над раной, которую сам же мне и нанёс. При этом я видела, как в глазах у него мелькали мрачные тени. Он бесился. Просто виду не подавал. Но вот его-то что в этой ситуации так бесило? Это же он мне изменил, а не наоборот!

— Езжай и расспрашивай.

— А ты меня, Алиса, на слабо не бери.

— А ты оставь меня в покое! Мало ты мне нервов за сегодня поистрепал?

Тимур какое-то время мерял меня тяжёлым взглядом, потом медленно выдохнул, будто признавал, как минимум частично, мою правоту.

— Что ж, ладно, — проговорил он задумчиво. — Это чтобы ты потом не говорила, что я к твоим словам не прислушиваюсь.

Он шагнул мне навстречу, и я рефлекторно сделала шаг

назад.

— Вот давай только снова не играть в эти кошки-мышки.

И прежде чем я успела ему возразить, он протянул ко мне руку и поймал за локоть. Стальные пальцы сомкнулись на моей руке.

— Я никуда с тобой не пойду! — запаниковала я, упираясь.

— А я никуда тебя и не веду, — преспокойно отозвался супруг. — Просто, я смотрю, в последнее время в моей жизни активизировалось бабье царство. И меня это совершенно не радует. Стоит хоть ненадолго отвлечься и сосредоточить внимание на делах, как личная жизнь преподносит вот такие сюрпризы. Ты со своими припадками ревности, мать с её тараканами...

— Припадками ревности? — опешила я. — Да как ты смеешь, Гараев!

Но муж не слушал моих причитаний. Он подтащил меня к здоровенному гардеробу, распахнул его и затолкал меня внутрь, где мгновенно сработала верхняя подсветка.

— К сожалению, всё приходится разгребать самому.

Я крутнулась на месте, только чтобы увидеть, как дверь гардероба захлопывается, оставив меня один на один с чемоданами, сейфом, обувными коробками и верхней одеждой.

Места тут было предостаточно, не гардероб, а целая комната, но это не меняло моего положения.

— Ты сдурел?! — заорала я и подскочила двери, услышав,

как щёлкнул механизм замка. — Открой немедленно дверь!

— Мне жаль, что приходится прибегать к такому непопулярному методу, — и в голосе мужа даже сквозила определённая доля искреннего сожаления. — Но я не могу верить тебе на слово и оставлять одну в квартире, откуда ты можешь сбежать. Дай мне час. Я увижусь с матерью и вернусь.

— А телефон для чего изобрели, придурок?! — рявкнула я.

— Такие разговоры не для общения по телефону, — невозмутимо ответил супруг. — Мне нужно посмотреть ей в глаза. А тебе нужно посидеть и подумать над своим взбалмошным поведением. Скоро вернусь.

— Не смей, Гараев! Не смей так со мной поступать! Я тебе этого никогда не прощу! — орала я и тарабанила в двери.

Но мне ли не знать... Если мой муж что-то втемяшил себе в голову, то переубедить его невозможно.

— Но я всё же рискну, — подтвердил Тимур мои опасения. — Между риском напроситься на твою немилость и риском потерять с тобой связь я выберу первое. Не обессудь.

И спустя несколько минут я услышала, как дверь нашей квартиры захлопнулась, оповещая меня о том, что муж отчалил на встречу с матерью.

Какое-то время я стояла и пялилась на закрытую дверь гардеробной, не в силах поверить, что он так со мной поступил.

Запер в шкафу! Да он совсем уже чокнулся! Решил, что

ему дозволено всё и можно ни с кем не считаться?

— Я тебе, Гараев, этого никогда не прощу, — пригрозила я двери, мысленно присовокупив к измене ещё один смертный грех.

Но при этом сидеть тут, страдать и злиться в ожидании, когда он вернётся и соизволит меня выпустить, я не собиралась.

— Думает, я совсем безрукая идиотка, — пробормотала я и вынула из сумочки телефон.

На экране высветился пропущенный. От мамы.

Я закусила губу и поняла, что нет, не сейчас. Сейчас не смогу.

Прости, мам. Чутьочку позже я обязательно тебя наберу. Как только выберусь из своего каземата на волю.

В итоге, даже вооружившись необходимыми знаниями и сооружённой из металлической расчёски отмычкой, на разблокировку замка я потратила минут сорок, а также все оставшиеся нервы.

Из гардеробной я вышла, таща за собой собранный чемодан.

— Ты за это заплатишь, Гараев, — всхлипнула я и покатила чемодан к выходу.

Пусть общается со своей маменькой, выясняет все грязные подробности её осведомлённости о своих похождениях. Меня это уже не касается.

Второму таксисту всё-так повезло — за мной больше не

гнался ошарашенный новостью муж. Я спокойно погрузилась в авто и отчалила к матери.

По дороге ничего ей не объяснила, просто набрала и попросила, чтобы ждала.

Муж, конечно, мог позже заявиться и к ней, но за волосы он меня оттуда никуда не потащит. Не посмеет. Он ещё не настолько съехал с катушек, чтобы тещу до предынфарктного состояния доводить.

И я кое-как успокоилась под воздействием этих мыслей.

Потому встреча с мамой и застала меня врасплох.

Я нажала на кнопку звонка. Дверь отворилась.

— Привет, ма, — выдохнула я с облегчением.

А в ответ услышала:

— Алиса, господи... Как ты могла?..

Глава 9

— Алиса, господи. Как ты могла?..

Эти слова звенят в моих ушах откровенным укором.

Я стою на пороге родительской квартиры с чемоданом в руке и какое-то время молча хлопаю глазами, как последняя дурочка.

Что успело стрястись за то короткое время, пока я добиралась сюда? Какой смертельный грех я успела без собственного ведома совершить?

— Как я могла... что?

Мать смотрит на меня, сложив на груди руки в почти молитвенном жесте. И рассматривает так, словно видит впервые. Внутри у меня всё леденеет от очень неприятных предчувствий.

Мама у меня, конечно, очень впечатлительный человек, но и её всё-таки не так-то просто выбить из равновесия настолько, что она примется за сердце хвататься.

Я, кажется, очень наивна, если жду мгновенного ответа. Потому что мама, до сих пор поглощённая пока неведомыми мне, но сильно расстроившими её мыслями, наконец-то замечает слона в комнате, то бишь чемодан на лестничной клетке. И глаза её округляются ещё сильнее.

— Господи... — повторяет она.

Меня эта неизвестность в рекордные сроки доводит до

ручки, поэтому я не дожидаясь, пока родительница придёт в себя настолько, чтобы дать мне хоть какие-то пояснения. Бесцеремонно вкатываю чемодан в прихожую, перешагиваю порог и закрываю за собой дверь, а то мне уже начинает казаться, что мой неверный муж дышит мне в спину и вот-вот снова утащит обратно, чтобы запереть в гардеробе.

Ставив с себя босоножки и бросив сумку на банкетку, я выдыхаю, прислонившись к двери раздвижного шкафа.

— Ма, может, ты всё-таки наконец объяснишь?

— А почему ты одна? — неожиданно задала она встречный вопрос. — А где Тимур? Я думала, такие вещи... Думала, вы приедете вместе.

Такие вещи...

Понимание просачивалось в мой разум по капельке. Наверное, исключительно потому что разум сопротивлялся. Мне не хотелось, чтобы это оказалось правдой.

Но мало ли чего мне не хотелось?

— Ему некогда. Он у матери.

— Так я и думала...

— Не поняла.

Мать подняла на меня скорбный взгляд:

— Алиса, мне позвонили... мне вот буквально пять минут назад позвонили...

— Кто позвонил?

— Свекровь твоя. Елена Аркадьевна. Ей плохо. У неё давление поднялось, и сердце... Она говорит, скорую уже вы-

звали...

Я слушала этот бред сумасшедшего, и моя челюсть отвисала всё ниже. Если всё продолжится в том же духе, она, несчастная, точно приземлится на пол.

— Мам, при чём тут свекровь? Да не своди ты меня с ума своими загадками! — в отчаянии взмолилась я. — Меня её состояние каким образом может касаться? Когда она тебе звонила, я к тебе ехала.

— Да что значит, каким образом? — повысила голос мать. — Самым обыкновенным образом! Она говорит, к ней сын явился. Разнос ей устроил! Сказала, у вас какие-то проблемы в семье, а он на неё спустил всех собак! Там, говорит, с её состоянием так и шунтирование назначат! В её-то возрасте и с её-то здоровьем!

Сказать, что я обалдела от подобной тирады — совсем ничего не сказать. Вот теперь уже и я смотрела на мать, будто совсем эту женщину не узнавала.

— Вы ведь сегодня с ней виделись? — продолжила мать, но вопрос задала таким тоном, который давал ясно понять, что ответа не требовалось.

Она знала ответ. А откуда? Само собой, свекровь ей рассказала.

Мне совершенно не хотелось вспоминать обстоятельства нашей сегодняшней встречи, но ситуация оборачивалась так, что с желаниями моими никто не считался.

— Виделись. И что теперь?

— Ну вот ей после вашей встречи плохо и стало. Говорит, ты за дверь её выставила. Никогда она такого от тебя не ожидала. Она вернулась домой, ей резко сделалось плохо. Давление подскочило, сердцебиение, шум в ушах, в глазах потемнело. Говорит, она так переволновалась, что вот просто до невозможности. А потом и сынок появился. Наорал. Ты бы слышала, каким голосом она говорила. Алиса, вот как при смерти человек, понимаешь?

— Какого... — я пыталась подыскать слова. — Какого чёрта она тебе-то наяривала?

— Алиса! Алиса, нельзя так говорить!

У матери даже розовые пятна по лицу и шее пошли от волнения.

— Давай, я сама буду решать, как мне говорить, — устало пробормотала я, находясь буквально в шаге от того, чтобы вывалить на и без того растерянную мать ядерную «добавку» из моих собственных впечатлений об этом удивительном дне.

Адским усилием воли я сдержалась, потому что не могла не понимать — мой всплеск эмоций сделает только хуже. Он никому сейчас не поможет и никаких проблем не решит.

— Так зачем она позвонила? Чтобы поплакаться?

В глазах матери был откровенный укор:

— Алиса, вот сейчас тебе должно быть стыдно за своё поведение. Елена Аркадьевна позвонила, чтобы узнать, как ты. Думала, может, ты успела со мной пообщаться. Говорит, это

не её дело — распространяться о ваших проблемах, но она хотела бы знать, что с тобой всё в порядке. С ней ты откровенничать не стала бы, поэтому и позвонила. Материнское сердце-то чувствует. Его не обманешь!

Мне пришлось взять минутный тайм-аут, чтобы совладать с информацией. Всё это выглядело и звучало, как издевательство. Как горячечный бред.

— Она... обо мне справлялась? У тебя?

— Ну да. А что в этом такого? Мы с тобой почти каждый день созваниваемся. Ты мне лучше скажи, что за проблемы? Что у вас за проблемы с Тимуром, Алис?

Глава 10

— Что у вас за проблемы с Тимуром, Алис?

— Мам, — я хотела среагировать оперативно. Как-то ответить на её многословное негодование и защитить себя.

Но многие ли из нас в состоянии себя защитить, когда от шока выдвинутых обвинений разве что голова не кружится? Я всегда жутко завидовала тем, кто даже в самых стрессовых ситуациях мог отыскать нужные слова и ответить как надо. А не мямлить, чтобы потом прокручивать этот чёртов разговор в голове, продолжая придумывать идеальный ответ.

— Мам, так нельзя, — выдавила я из себя.

Да, начало, прямо скажем, отличное...

— Я согласна, — с неожиданной твёрдостью кивнула мать.

— Так, Алиса, нельзя. Я понимаю, что вам с Тимуром непросто. Что мать у него женщина... как бы это сказать... волевая.

— С этой волевой женщиной Тимур прекрасно справлялся и сам, — я сглотнула, чувствуя горечь. — Он не выносит, когда она суёт свой нос не в свои дела. А наша личная жизнь — не её дела.

Мать поджала губы, но не стала мне возражать.

— Елена Аркадьевна много на себя берёт. А ещё она очень умелая симулянтка. А ты, мама, очень легковёрный и сострадательный человек. Понимаешь, о чём я говорю.

— Понимаю, — в синих глазах неожиданно блеснула сталь. — Понимаю, и мне это не нравится. Алиса, так ведут себя скандалистки.

— Ты... меня имеешь в виду? — на всякий случай уточнила я.

— Обсуждать кого-то за чужой спиной, обвинять, обзывать, тыкать пальцем... — мать покачала головой. — Такому я тебя никогда не учила. И такого я не поощряю. Алиса, я понимаю, что со свекровью у многих не ладится, но это не повод...

— Мам, да ты издеваешься! — не выдержала я. — Она врёт!

— И в чём же она соврала?

— Она попросту симулирует эту заботу! Да плевать ей на то, что со мной и как я себя чувствую!

— Люди по-разному проявляют заботу.

И мне, будто в насмешку над ситуацией, вдруг вспомнилось, что свекровь-то действительно заявила сегодня ко мне с благими намерениями — открыть мне глаза. Ну кто скажет, что открыть человеку правду — это плохой поступок? Да, везде есть нюансы, но если бы не она, Тимур, может, так и продолжал бы кувыркаться со своей Ангелиной, запудривая мне мозги.

А Елена Аркадьевна вот так по-своему проявила заботу. В это даже можно поверить, если смотреть на ситуацию сугубо со стороны.

Но только тот, кто слышал наш разговор, мог бы понять, что никакой заботой там и не пахло. Свекровь, словно долго выжидавшая подходящего момента змея, сделала выверенный рывок. Откуда-то знала, чем в тот самый момент занимается её сын, и спровоцировала всю ситуацию.

Впрочем, догадаться несложно. Видимо, она говорила с ним по телефону заранее и по косвенным признакам поняла, где он и что собирается делать.

— Да боже ты упаси, — сдалась я. — Никакая это не забота, а показуха одна.

— Поэтому ты ко мне с чемоданом? — подобралась к сути дела мать. — Потому что у вас *настолько* всё плохо?

Ну, тут уже ничего не оставалось. Как ни больно мне было прямо здесь и сейчас снова с головой погружаться в этот кошмар, мне просто придётся ей всё рассказать.

— Потому что...

Настойчивый звонок в дверь заставил меня подпрыгнуть на месте.

— погоди, — озабоченно нахмурилась мать. — Соседка пришла. Я обещала ей рецепт показать...

Я закусила губу и посторонилась, пропуская маму к двери.

Может быть, это всё-таки знак? Может, я тороплюсь и не стоит вот так всё вываливать? Ну, не погонит же она меня из дому, в самом деле. Даже если, не выдавая подробностей, я не смогу объяснить ей поведение охреневшей свекрови.

— Марин, сейчас я ре...

Я оборачиваюсь как раз в тот самый момент, как последнее слово вязнет у матери на губах.
 Потому что на пороге стоит вовсе не Марина-соседка.

К сожалению, нет.

На пороге квартиры высится её любимейший зять. Чернее тучи и с таким входом, словно приготовился убивать.

— Тимур?.. — мать нервно оборачивается на меня, безошибочно распознавая опасно приблизившуюся грозу.

— Добрый день, Ольга Степановна, — тоном, совершенно не вяжущимся с его угрожающим видом, произносит Тимур. — Могу я войти?

— Господи, ну, конечно, — бормочет растерянно мать и отступает.

А я начинаю невольно пятиться вглубь квартиры.

Я просто не знаю, чего мне сейчас ожидать.

— Вы извините, что я вот так, без предупреждения, — продолжает Тимур, не отрывая от меня мрачного взгляда. — Обстоятельства вынуждают.

— Глупости. Ерунда. Тебе и не нужно предупреждать.

— У нас с Алисой сегодня день непростой. Мы поссорились, — без обиняков объявляет Тимур. — Ситуация... хм... накалилась. Эмоции взяли верх над рассудительностью. И Алиса предприняла попытку сбежать.

Господи, звучало так, будто у меня просто ни с того ни с сего отлетела кукуха, и я бросилась вещи свои паковать.

Я уже чувствовала на себя полный опасливого недоуме-

ния взгляд матери. Я и так-то в её глазах сейчас, мягко говоря, неправа, хотя она истинных подробностей моего приезда ещё и не знала.

Я ж, дура набитая, всех берегу. Никому не хочу неудобств доставлять и метаний душевных. А сама. А на себя наплевать.

Видимо, настало время бросать это гиблое дело.

— Но ведь сбежать я собралась не без причины, — бросила я, глядя мужу в глаза.

— Это верно. Не без причины, — ответил Тимур и перевёл взгляд на тещу. — Она, Ольга Степановна, собиралась скрыть от меня, что беременна.

Глава 11

— Привет, Тим. У тебя будет минутка?..

И он уже по первым ноткам в голосе жены может сказать, что она нервничает. Едва ли не паникует.

Нет, только не снова...

Но как бы он ни относился к её внезапному звонку, а не реагировать на её волнение он не может.

— Что-то случилось?

— Вообще-то, да.

Хочется ему этого или нет, но дрожащий голос жены в телефонной трубке заставляет его подняться.

Он отталкивает Ангелину, склонившуюся над ним. Её пальцы беспомощно соскальзывают с его плеч. По пути он задевает ворох бумаг на столе.

— Твою мать...

Оборачивается, чтобы вовремя подхватить едва не разлетевшийся по всему кабинету отчёт. Ловит осуждающий взгляд Ангелины. Она протяжно вздыхает и перехватывает у него папку.

Он почти отвернулся, но она успевает кивнуть на прижатый к его уху телефон:

— Тим, кто там? Твоя курица опять раскудаhtалась?

Эти идиотские шутки его раздражают.

— Заткнись, — шикает он на Ангелину. Бросает в трубку:

— Минуту. Сейчас.

Подхватив со стола звякнувшие ключи, покидает уют своего рабочего кабинета, оставив Ангелину одну.

— Где ты? — выдыхает Алиса, и он понимает, что она уже сделала выводы.

Он захлопнул дверь, кивнув по пути вернувшейся с обещанного перерыва секретарше.

— Занят немного. Реально, Алис. Не самое подходящее время. Мы...

— А я уже поняла, — перебила его супруга загробным голосом.

— В смысле?

— В прямом! Я всё поняла и всё слышала! — выкрикнула она.

В трубке раздался громкий стук, да такой, что он даже трубку от уха отдёргнул.

Выматерился про себя и закончил звонок.

Ясно. Добром это дело не кончится.

И меньше чем через час он в этом без труда убедился.

Алиса, прилежно сложив два и два, легко догадалось, в чьей компании он проводил рабочее время.

Она кричала и плакала. Она осыпала его обвинениями. Ну и он, конечно, в долгу не остался. Защищаться он никогда не умел, всегда пёр напролом и любая его защита превращалась в атаку. И женитьба в этом отношении, к сожалению, ничего не изменила. Когда Тимур чувствовал, что пора защищаться,

он пленных не брал.

Но на этот раз они, кажется, оба превзошли сами себя. Алиса наконец-то достигла своей цели, застучала его на измене и теперь, кажется, с лихвой отрывалась за все те разы, когда её ревнивые замечания оказывались совсем не по адресу.

А он бесился от того, что она во всех смертных грехах готова была его обвинить, строя из себя святошу!

То есть, выходит, в её понимании интрижка на рабочем месте перечёркивает любые заслуги. Даже годы и годы внимания и заботы. Он уж молчал о финансовом обеспечении.

О деньгах он, впрочем, и заикаться не собирался. Это обязанность мужа — всем обеспечить собственную жену. Но же не в ответ разве не стоило бы постараться проявить хоть какую-то дипломатию? Умерить свою паранойю и гиперактивность. Потому что за последние несколько лет Алиса хваталась за любую возможность подзаработать, будто бы исподволь намекая, что денег ей всё равно не хватает. И это не могло не натолкнуть его на мысли о том, что все их попытки расширить семью так и оставалась для неё разговорами.

Секс, впрочем, никуда из их жизни не делся, но превратился в рутину. Он уж молчал о том, что порой у супруги не хватало на него ни времени, ни настроения. То она до поздней ночи какие-то выкройки мастерит, то читает, то что-то ещё...

А теперь она недовольна результатами своего экс-

пресс-расследования, узнав, что секс отыскался на стороне?
— Здесь останови, — он махнул водителю в сторону пустого кармашка.

До подъезда тёщи отсюда рукой подать.

Выбрался из авто, скорым шагом дошёл до подъезда, но на первой же лестничной клетке притормозил. Прислонился спиной к выкрашенной синей краской стене и медленно выдохнул.

Твою-то мать... он же станет отцом!

Самым главным в череде этих диких событий, включая учинённый разнос собственной матери и побег жены из-под замка, самым шокирующим было именно это.

Алиса беременна, чёрт возьми.

Наконец-то беременна!

Что это значило для него? Тотальное счастье.

Что это значило для неё? Ей придётся смириться с тем, что она вышла замуж за неидеального человека. Потому что он отпускать её не готов.

И с этими мыслями, преодолев остальное расстояние до двери нужной квартиры за полминуты, Тимур вдавил кнопку дверного звонка.

— Тимур?... — тёща смотрит на него откровенно растерянно.

Но он почти не видит её. Он смотрит на испуганную его появлением беглянку. Беглянку, которая носила под сердцем его ребёнка и решила, что сможет от него этот факт утаить.

— Добрый день, Ольга Степановна, — обманчиво спокойно произносит Тимур, в душе ощущая, что готов рвать и метать. — Могу я войти?

Глава 12

— Она, Ольга Степановна, собиралась скрыть от меня, что беременна.

Небеса не разверзлись, и молния не поразила меня, но ощущение было такое, будто это всё же случилось.

Тимур не колебался и пленных не брал. А главное, ровным счётом никаких угрызений совести по этому поводу не испытывал. Он действовал в своей обычной манере. Как законный и единственный хозяин положения.

Спустя целую вечность в абсолютной, гробовой тишине наконец прозвучал дрожащий голос матери:

— А-алиса?..

Я с шумом выпустила воздух из лёгких и с ненавистью посмотрела на мужа. Потом всё же вынуждена была перевести взгляд на поражённую новостью мать.

— Я получила подтверждение только сегодня.

К моему удивлению и жуткой досаде, и меня голос подвёл. Наверное, потому что её потрясённое лицо заставило вздрогнуть моё и без того натерпевшееся сегодня сердце.

— Я... я планировала сделать сюрприз, понимаешь? Мам, я... мы же так долго этого ждали, что я не хотела... я не хотела, чтобы всё это вот так...

И я беспомощно махнула рукой в сторону мужа.

Тимур сверкнул глазами, но промолчал. Что удивительно.

Я уже ожидала, что он и вовсе перестанет церемониться.

На одно безумное мгновение в моей голове даже мелькнула бесшабашная мысль — отплатить ему той же монетой. Вот так запросто и без церемоний ляпнуть, что новости о беременности я утаила от него исключительно потому, что за несколько часов до радостного объявления узнала о том, что мой муж лжец и потаскун.

Но и что бы я получила от такого шокирующего объявления? Сердечный приступ для матери? Потому что выглядела она так, будто ещё чуть-чуть — и даже этого не понадобится.

Ну и окончательно слетевшего с катушек супруга. Который тоже выглядел так, что хватило бы и одного неосторожного слова, чтобы он взорвался. И фасад ледяного равнодушия кого-кого, а меня обмануть бы не смог. Я слишком хорошо знала Гараева, чтобы питать иллюзии на этот счёт.

— Сюрприз удался, — хмуро заметил супруг.

И всё окончательно пошло наперекосяк.

— О-о-о-о, — выдохнула я, чувствуя, как меня распирает от накрывающей блажи. — Так, может, Тимур, мы действительно о сюрпризах с тобой поговорим?

И я с таким азартом уставилась на него, что его и без того мрачная физиономия совсем потемнела.

Кажется, он понял, что вот у этой черты я уже не шучу. Что теперь-то я сомневаться не буду.

— Господи, — прошелестела мама, хватаясь за сердце и переводя взгляд с меня на зятя и обратно. — Господи, о ка-

ких ещё сюрпризах я не знаю?.. Алиса, Тимур, да что же вы...

— Ольга Степановна, — муж позволил себе оторвать от меня предупреждающий взгляд всего на мгновение, чтобы взглянуть на тещу, — вы не обращайте внимания и не тревожьтесь без повода. Просто новость о будущем ребёнке слегка выбила нас обоих из колеи.

Он вперил в меня угрожающий взгляд и процедил:

— Эмоции просто зашкаливают. Верно, Алиса?

Тон, которым он произнёс моё имя, не давал повода усомниться — это последнее китайское предупреждение.

— Ещё как зашкаливают, — поддакнула я, копируя его тон. — И знаешь, ма, есть от чего зашкаливать.

— Просто Тимур...

— ...повёл себя как распоследняя сволочь, — перебил меня муж, заставив меня раззявить рот от изумления.

Он что, *сам* признаться собрался?..

Я бросила нервный взгляд на мать.

— Не воспринял счастливые вести с должным вниманием и уважением к состоянию будущей матери, — Тимур шагнул ко мне и схватил не больно, но крепко за предплечье. — Грешен. Исправлюсь. Перед вами тоже, получается, виноват. Не хотел вот так ошарашивать.

— Да это... это ничего... — пробормотала мама.

И меня покорило от её сговорчивости. Она же на своего драгоценного зятя надышаться, понимаете ли, не могла. Вот как после нашей с ним недели встречаний отремонтировал

ей смеситель на кухне и шкафчик в ванной навесил, так и стал лучшим зятем на свете.

Не исключая, что она и измену его могла бы кое-как пережить

В отличие от меня!

— Ещё как чего, — я дёрнула руку, пытаюсь освободиться.
— Ты поступил беспардонно!

— Алиса права, — включил беспроектную стратегию покаяния муж. — Ольга Степановна, я готов искупить.

Мать смущённо спрятала взгляд:

— Что за глупости... — отмахнулась. — Мне главное, чтобы вы между собой это как-то... решили.

Уже не получится.

— Обязательно, — нагло соврал обожаемый зять. — Вот как раз этим мы с Алисой сейчас и займёмся. Извините, что потревожили.

Второй рукой он схватил чемодан и, будто тот ничего не весил, рывком подтянул его к самой двери.

— Ждите нас на днях. Торжество собирайте. А мы поедem, со своими тараканами разбираться.

И опуcтив взгляд на меня, приказал:

— Обувайся и на выход, Алиса. Не будем доставлять Ольге Степановне лишние неудобства.

Глава 13

— Как ты смеешь так бесцеремонно указывать, что мне делать?

Стоило нам оказаться в подъезде, как я на первой же лестничной клетке к нему обернулась и зашипела в лицо:

— Да ещё и делать это вот так. В присутствии матери!

— А ты бы поменьше мне вот такие выбрыки устраивала, и не пришлось бы позориться, — безо всякого выражения ответил муж. — Давай двигайся. Не стой столбом.

— А если я не хочу никуда с тобой ехать? — даже не подумала слушаться я. — Если я не хочу никуда возвращаться?

— А я твоего мнения спрашивал?

— Гараев, ты совсем охренел? — поразилась я, разглядывая его лицо и всё ещё надеясь, что это какой-то жестокий розыгрыш. — Ты не можешь мне приказывать!

Муж с наигранным любопытством огляделся по сторонам и вернулся взглядом ко мне:

— Да? А кто мне запретит?

Вот же сволочь.

— Ангелине своей приказывай! — гаркнула я.

— Об Ангелине не переживай. Свою долю приказов она получает.

Внутренне я буквально взвыла от такого цинизма. Но ни за что не доставила бы ему сейчас удовольствия лицезреть,

как меня крутит от проявления его сволочного характера.

— Я заору, — со спокойствием удава заявила я в надежде, что его убедит мой уверенный тон. — Прямо сейчас. Заору на весь подъезд. Сбегутся соседи.

— И посчитают, что ты полоумная, — вернул мне муж. — А я ещё и добавлю, что ты у меня в положении и страдаешь перепадами настроения. Кому как не мне знать, какая ты у меня истеричка.

Я буквально кожей чувствовал, как медленно, но верно покрываюсь алыми пятнами от бурливших внутри эмоций. Я хотела вцепиться мужу в лицо и разодрать его в клочья.

— Знаешь что, давай-как ты прикрутишь немного свой праведный гнев, — предложил Тимур и подтолкнул меня к лестнице, снова подхватив чемодан. — И прекратишь создавать нам проблемы. И в этом случае мы действительно вернёмся домой без приключений.

— Или что? — рявкнула я.

— Или ты вынудишь меня устроить тебе приключения, — без обиняков заявил супруг. — Но тебе эти приключения не понравятся.

Я могла бы на всё наплевать, даже на отобранные вещи, и потопать от него прочь в чём была.

Ну а дальше-то что? На карточке у меня было не так чтобы много. Ну, снять номер в хостеле и пару недель прожить там. Либо всё-таки растревожить окончательно мать и пожить у неё. Подать на развод. Попытаться как-то прийти в себя и

настроиться на одинокое материнство.

Беременность не помешает мне, впрочем, продолжать зарабатывать. Я могла бы...

— Если обдумываешь стратегию развода и своей дальнейшей жизни, я должен поступить честно и сразу предупредить.

От ворвавшегося в мои сумбурные мысли спокойного голоса мужа я ощутила озноб.

— Продолжишь строить из себя мученицу, и я обеспечу тебе все условия, чтобы твои усилия не оказались напрасны.

Я сглотнула, холодея от мрачных предчувствий:

— Что... ты имеешь в виду?

— Алиса, или ты будешь растить нашего ребёнка и свою паранойю под моим присмотром, или останешься без средств к существованию.

И прочитав на моём лице недоумение, охотно мне пояснил:

— Не пройдёт и месяца, как вся твоя клиентура растает, как снег по весне. Это я тебе обещаю. Не думаю, что втроем вы протянете на скромную зарплату твоей мамы. Я уж молчу о том, что не позволю собственному ребёнку родиться и жить в нужде. Ты всё поняла?

Эти страшные, беспощадные слова были сказаны таким умиротворяющим, таким ласковым тоном, что из-за неизбежного диссонанса меня мороз по коже продрал.

В какое чудовище превратился мужчина, которому я по-

святила всю себя? Которого боготворила? Осуждения которого я боялась сильнее всего?..

— Ты не можешь... ты не всерьёз, — пробормотала я, отказываясь верить, что всё это происходит со мной.

— Нет? — усмехнулся Тимур. — Думаешь, не всерьёз? Ну хорошо. Хорошо. Я разрешаю тебе проверить. Бери меня на слабо, родная. Бери.

Я стояла, парализованная этим ответом, боялась даже вдохнуть, чтобы не спровоцировать его на какую-нибудь новую жестокость.

— Ну что ты молчишь? — и муж указал подбородком на лестницу. — Ты или спускайся, или швыряй мне в морду свою заготовленную перчатку. И будем считать, что мы заключили пари.

Глава 14

— Не трогай, — спокойный приказ мужа заставляет меня рефлекторно отдернуть руку от ручки въехавшего вслед за нами в пустую квартиру чемодана. — Я сам.

Скажите пожалуйста, какая заботливость.

Не к месту и не ко времени. Сейчас я уже ни о чём его не просила и ничего от него не ждала, кроме того, что он оставит меня наконец-то в покое.

Но возражать я не стала. Молча разулась и отправилась в душ.

Мне нестерпимо хотелось смыть с себя этот день. Хотя бы притвориться, что такое возможно.

Простояв почти полчаса под струями тёплой воды, лучше себя не почувствовала. Но что хуже всего, ни к какому решению не пришла. Оборачиваясь полотенцем, я по-прежнему понятия не имела, что мне делать и как жить дальше.

Особенно после угроз Гараева оставить меня без работы.

Его жестокие слова до того меня поразили, что в глубине души я до сих пор отказывалась верить в то, что он заявил это всерьёз.

— Ну как, полегчало?

Я вздрогнула и выронила полотенце, которым высушивала волосы. Супруг стоял на пороге нашей спальни и блуждал по мне взглядом собственника.

И что-то такое светилось в его взгляде, что заставило меня ухватиться за узел, обтягивающего мою фигуру полотенца.

— Выйди, — предупредила я.

Но мой приказ никакого эффекта не возымел.

— Ещё чего, — муж привалился плечом к лутке и сложил на груди руки.

Напрягшиеся под тканью рубашки мышцы живо напомнили мне о том, что с Гараевым лучше не спорить.

— То, что ты угрозами загнал меня обратно домой, ещё совершенно не значит, что я заткнусь и буду во всём тебе подчиняться.

— Ты в этом уверена? — ему хватило наглости ухмыльнуться.

Я выпрямилась и обдала его взглядом, полным неприкрытой, обжигающей ненависти.

— Ещё утром я любила тебя больше жизни, — вибрирующим от сдерживаемой боли голосом призналась я. — А сейчас... я тебя ненавижу. И знаешь, всё случилось настолько стремительно, что я пока даже глубины этого чувства не испытала, но ты делаешь всё, чтобы я достигла этого дна как можно скорее!

— Дна ты достигнешь, если продолжишь вести себя так, будто репетируешь к поступлению в театральный, — холодно заметил супруг. — Завязывай с этим. Хотя в одном я с тобой и соглашусь. Всё действительно изменилось.

Его взгляд с выразительной медлительностью опустился

на мой живот.

Я сглотнула.

— Мы станем родителями.

И то, как он это произнёс... Голос и тон, каким сказаны были эти три простых слова, пробрали меня до мурашек. Он сказал это почти с завистью. С завистью к себе самому.

Наверное, только сейчас, в самый неподходящий момент, я наконец-то поняла, как сильно он мечтал о ребёнке.

И, видимо, настолько отчаялся в своём ожидании, что решил, во-первых, взвалить вину на меня, а во-вторых, отыскал способ утопить свою печаль в объятьях этой ядовитой гадюки Ангелины. Насколько неподходящее имя человеку ещё надо было постараться придумать!

— Не делай вид, что ты этому событию несколько не рада.

Я вынырнула из своих мрачных мыслей в не менее безрадостную реальность.

— Поверь мне, я была, — наплевав на торчавшего в дверях мужа, повернулась к нему спиной, сорвала с себя полотенце и, подхватив с постели халат, завернулась в него.

На пару мгновений моё обнажённое тело ожёг его пристальный взгляд.

— Была. Я была на седьмом небе от счастья. И я просто мечтала как можно скорее поделиться этим счастьем с тобой. Ровно до той секунды, как позвонила тебе на работу.

— Если я всё правильно понял, тебя надоумила мать.

На секунду мне даже сделалось любопытно, чего он до-

бился своей поездкой к родительнице. Но всего на секунду. Я была на сто процентов уверена, они пришли к согласию — так или иначе. Елена Аркадьевна была слишком умна и расчётлива, чтобы всерьёз и надолго ссориться со своим обожаемым сыном.

— А какая разница, кто меня надоумил? — я так туго затянула пояс халата, что едва не задохнулась, и поспешила его ослабить, чтобы вдохнуть. — Мать или не мать, а твоих грехов это никак не искупает.

— Ну да, это верно, — с подозрительным спокойствием кивнул Тимур. — Вот поэтому нам лучше остаться с моими грехами и твоими добродетелями наедине.

Я нахмурилась, пытаюсь проследить за его мыслью. Не получалось.

— Это ты сейчас... о чём?

— О том, что нам надо оказаться подальше от привычного окружения, которое не лучшим образом влияет на наш брак, — резюмировал муж. — Готовься паковать чемоданы, Алиса. Мы переезжаем. И нет, моё решение не обсуждается.

Глава 15

— Куда? Куда переезжаем? — я оторопело таращилась на мужа.

Тимур смотрел на меня так, будто я свалилась с Луны.

— Догадайся с трёх раз.

И мне действительно пришлось на секунду задуматься.

Господи, что этот день сделал со мной...

— В дом? В пригород? — уточнила я, будто домов у нас было несколько. — Но он же... он не готов.

— Если бы ты почаще интересовалась ходом работ, была бы чуть лучше осведомлена о его состоянии.

— Я не лезла туда, потому что ты всем занимался!

— Будто я когда-нибудь говорил, что категорически против твоего участия, — отрезал Тимур.

Я собиралась что-то на это ему возразить, но... с аргументами так и не нашлась. Я действительно по собственной инициативе старалась не лезть в это строительство. Муж регулярно отсылал мне видео и фотографии с объекта, и мы их обсуждали.

В последнее время я была так поглощена работой и домом, что строительство нового жилища стало для меня чем-то фоновым. Знала, что работы идут, что из плана не выбиваются.

— Со временем мне, Алиса, вообще стало казаться, что

ты особого энтузиазма по поводу переезда и не испытываешь.

— Ты это решил, потому что я с расспросами к тебе не лезла? — изумилась я, раздражённо дёрнув пояс халата.

— Ну а чем плох мой аргумент?

— Может, тем, что он не особенно состоятелен? — огрызнулась я. — Я тоже сложа руки всё это время, знаешь ли, не сидела! Я ведь работала.

— Именно, — спокойно кивнул муж, будто только и ждал от меня этих слов. — Как я и сказал. Ты в последнее время вообще мало чем интересовалась, кроме своей кройки и шитья. Как будто без своих заказов окажешься на голодном пайке. Как будто муж тебя ничем не обеспечивает.

И по его гневно сверкнувшим глазам я поняла, что его этот момент реально заботил.

— О, так ты переживал, что я от тебя вдруг перестану зависеть? — прищурилась я, уперев руку в бедро.

Тимур скривил губы.

— Ну да. Буквально обмираю от страха.

— Погоди...

Я застыла, всматриваясь в его лицо. До меня только сейчас окончательно дошло, чем мне на самом деле грозит такая неожиданная смена жительства.

— Я не... я не могу никуда ехать. Я никуда не поеду.

— По причине?

Но я же видела по его лицу. Видела, что он всё понимает.

Что он понял это куда раньше, чем я, поэтому и держался так... так надменно, почти до снисходительности. Мол, глупая курочка до сих пор даже не понимает...

— Моя работа. Мои заказы, — сказала я твёрдо. — Я их не оставляю.

— Придётся.

— Нет. Нет, не придётся! — рявкнула я. — У меня обязательства! Клиенты ждут выполнения заказов. У меня... у меня давно всё расписано. Как ты не понимаешь?

— Алиса, — с утомлённым вздохом отозвался супруг. — В ближайшее время у тебя будут совершенно другие заботы.

Под его выразительным взглядом я рефлекторно прижала руки к животу.

— Ты сдурел, Гараев? Беременность — не болезнь!

— Я этого не утверждал. Но и не позволю, чтобы ты в этот период взваливала на себя необязательную нагрузку.

— А меня ты спросить не хотел?

— Нет. Как показывает опыт моей семейной жизни, ничего хорошего из этого обычно не получается.

— Но... но я не поеду, — повторила я. — Ты меня не заставишь! Ты не можешь заставить!

— На новом месте найдёшь себе новую клиентуру. Это что, такая большая проблема для такого умелой швеи-мастерицы, как ты?

Мне послышалась язвинка в его низком голосе. Словно мастерицей он назвал меня в шутку. И уже одно это застав-

ляло мою кровь закипеть.

— Я никуда не поеду! — взвизгнула я. — Я не брошу своё дело вот так, ни с того ни с сего! Просто потому что у меня муж самодур! А будешь настаивать, я... я на тебя в суд подам! Такой шум подниму, что люди в твой банк потом заходить постесняются!

И вот теперь настало время прищуриваться Тимуру. Он словно оценивал, насколько серьёзны мои угрозы и стоит ли брать их во внимание.

— Алиса, ты же понимаешь, что меня лучше не злить? — спросил он наконец с подозрительной ленцой в голосе. — Если ты надумаешь тягаться со мной на поле публичных скандалов, то пострадает и твоя репутация. Ты ждёшь ребёнка. Тебе волноваться нельзя. И ты собираешься затеять междоусобицу?

Мне не нравился тон, которым он со мной говорил.

— Ты не оставляешь мне выбора, — выдохнула я, чувствуя, как страх поневоле лишает мой голос былой уверенности.

Муж сделал вид, что задумался. А потов вдруг кивнул, словно искренне признавал свою неправоту.

— Ладно. Принято. Ради того, чтобы ты прекратила мне мозг выносить, я согласен чуть-чуть подождать.

— Чего... подождать? — захлопала я глазами.

— Пока разберёшься с заказами, которые ты нахватала, будто впереди у тебя как минимум голодный год, — отрезал

Тимур. — Но при условии, что новых заказов ты брать не будешь. За этим я прослежу. Уедем, как только ты сдашь свой последний заказ. И вот это уже не обсуждается.

— И что, мне теперь тебе за такое великодушие в ноженьки поклониться?

— Не настаиваю. Твоей лучше благодарностью будет хорошее поведение.

— Хо... рошее поведение? — я снова почувствовала себя ничего не понимающей идиоткой.

— Ага, — кивнул муж. — У нас ведь впереди торжество по случаю будущего малыша. Готовься принимать поздравления.

Глава 16

— Слу-у-ушай, мои поздравления!

Олег Марьянов — его старый друг и партнёр — улыбался от уха до уха. Хлопнул его по плечу.

— Благодарю.

— Вот ты, Гараев, вообще не меняешься, — Олег покачал головой. — Я бы на твоём месте по потолку носился от радости! А ты спокоен как удав. Что за сверхспособность такая?

Ну да. Сверхспособность.

Сверхспособностью было скорее то, что он продолжал каким-то образом сохранять здравый рассудок после всего, что успело стрястись с того самого дня, как жена позвонила ему на работу и вывалила на него все свои инсайды.

Ну и до кучи скрыла свою беременность и съехать на постоянку от него порывалась.

И развод. Конечно, не стоит забывать о разводе, которым Алиса теперь грезилась и о котором не уставала ему напоминать.

Вздорное, неугомонное создание.

Егоза с шилом в заднице.

Егоза, носившая под сердцем его дитя.

И от одной только мысли об этом всё его раздражение тут же таяло. И с этим он ничего пока поделать не мог. А стоило бы. Если не воспитывать в Алисе здравомыслие и умение

верно оценивать ситуацию, она так и будет...

— Так ты, получается, приглашаешь? — прервал его сумбурные мысли друг.

— Само собой. А для чего я тебе новость-то сообщил? — хмыкнул Тимур. — Приходите с супругой. В эту субботу. Отметим без размаха и шума. Все свои.

Он чуточку переживал, в чём бы никогда не сознался.

Хоть Алиса и буркнула, что с ней всё в порядке и беспокоиться не о чем, он уже поручил своему секретарю отыскать лучшую клинику. Отправит жену туда, и это не обсуждается.

Он не паникёр и не параноик, но к чему рисковать, если есть возможность обеспечить жене всё лучшее, что может дать современная перинатальная медицина?

— Жди тогда, — пообещал Марьянов. — Оттарабаним своих спиногрызов в деревню, и примчимся. Это будут выходные мечты!

— Ты только раньше положенного в праздничное настроение не погружайся, — усмехнулся Тимур. — У нас ещё совещание с советом директоров и подписание договора о пролонгации.

— Да помню я, — скривился Марьянов. — Настроение-то не порть!

Тимур покачал головой. Олег только притворялся, что рад возможности сплавить сыновей родителям. Он души в них не чаял. И Тимур втайне дико ему завидовал. Белой завистью, конечно, но всё же.

Столько времени он мечтал так же в течение рабочей недели делиться историями о том, где и как они провели выходные. Показывать эти дурацкие фотки на телефоне, с тайной гордостью хвастаться первыми достижениями своих малышей...

И теперь всё это он мог получить. И получит, если сумеет сохранить свой брак и не позволит своей взбалмошной жене сбежать куда-нибудь прежде.

После визита Марьянова настроение, которое было, откровенно сказать, никудышным из-за того, что утро не задалось, само собой повысилось.

Любое утро, если уж начистоту, в последнее время не давалось. Алиса продолжала дуться. Их общение свелось к необходимому минимуму.

И когда он наконец-то созрел для того, чтобы, отбросив личину строгого мужа, завести разговор по душам, Алиса принялась его избегать. Заявила, что себя определяет, как заключённую, а его — как тюремщика, и никаких компромиссов между ними не будет и быть не должно.

— Я никогда, Гараев, ты слышишь, никогда тебе не прощу, что ты меня финансами шантажируешь! — заявила она. — Но поверь мне, я смирилась не навсегда!

И, конечно, пообещала сбежать, как только ей представится такая возможность. Под возможностью она, надо полагать, подразумевала поиск источников дохода, независимых от него.

И никаких торгов. Никаких переговоров. Дошло до смешного. Стоило Тимуру начать что-либо ей объяснять, она, как малое дитя, замуривалась, зажимала уши и начинала петь песни.

Возможно, так нестандартно на неё влияло её деликатное положение.

Всего раз она проявила интерес к больной теме. Вспомнила тот сумасшедший день.

— А что с Еленой Аркадьевной? Ты телефон у неё отобрал? — съязвила она как-то за ужином.

— С чего ты это решила?

Жена пожала плечами:

— Раньше она у нас разве что не ночевала. А тут почти неделя прошла, а от неё ни слуху, ни духу.

— И? — он описал вилкой крохотный полукруг. — Это хорошо или плохо?

— Это замечательно, — отозвалась она.

— На здоровье, — ответил он в тон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.